

уголовному делу<sup>1</sup>. В связи с этим считаем, что с учетом положений действующего уголовно-процессуального законодательства *временное помещение лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, возможно только при наличии оснований заключения и содержания под стражей*. При этом нахождение такого лица в медицинской организации должно прекращаться, когда появляются основания, предусмотренные как ч. 2 ст. 435 УПК РФ, так и ст. 110 УПК РФ.

В-третьих, во взаимосвязи с предыдущим выводом представляется своевременным тезис о том, что *срок нахождения лица, переведенного из места содержания под стражей в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, должен быть общим и исчисляться, исходя из положений ст. 109 УПК РФ, в частности зависит от тяжести совершенного преступления*.

Автору, ограниченному объемом тезисов, в подведение промежуточных итогов своих рассуждений следует признать, что последние изменения уголовно-процессуального закона в части урегулирования процессуального порядка временного помещения лица в медицинскую организацию, оказывающую психиатрическую помощь в стационарных условиях, не являются окончательными. Дальнейшее совершенствование российского законодательства и практики его применения должно быть сбалансированным и учитывать многие аспекты, в том числе создавать новые гарантии защиты означенной категории лиц, и без того ослабленных психическим заболеванием. Вместе с тем работу хотелось бы закончить словами депутата Государственной Думы РФ О.А. Нилова, участвовавшего в обсуждении законопроекта № 1132362-7: «Я не против того, чтобы защищать права, в том числе таких преступников, но когда будем защищать права жертв преступлений?»<sup>2</sup>.

*Калугин А.Г.,*

кандидат юридических наук, доцент  
Сибирский юридический институт МВД России (г. Красноярск)

### **К вопросу о перспективной модели досудебного производства в уголовном процессе Российской Федерации**

В последние два десятилетия в отечественной уголовно-процессуальной науке все больше набирает обороты дискуссия о путях реформирования начального этапа уголовного судопроизводства<sup>3</sup>, появляется все больше сторонников отказа

от стадии возбуждения уголовного дела в ее нынешнем виде, тем более что в большинстве бывших республик Советского Союза в результате принятия современных уголовно-процессуальных кодексов это уже произошло.

<sup>1</sup> Подр.: Широ́ва Э.Х., Лукьянова А.А., Ким Д.В. Задержание лица, совершившего преступление: ситуационный подход. Барнаул: БЮИ МВД России, 2021. С. 43.

<sup>2</sup> Информация с сайта Системы обеспечения законодательной деятельности Государственной Думы РФ. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1132362-7> (дата обращения: 10.02.2022).

<sup>3</sup> Напр.: Гаврилов Б.Я. Концепция начала производства по уголовному делу: законодательные мифы и реалии правоприменения // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2017. № 2. С. 35-47; Зяблина М.В. К вопросу об исключении из российского уголовного процесса стадии возбуждения уголовного дела // Российская юстиция. 2017. № 7; Исаенко В., Папышева Е. О системе уголовно-процессуальной деятельности в стадии возбуждения уголовного дела // Уголовное право. 2009. № 6. С. 82-84; Мартыненко С.Б. К вопросу об эволюции уголовно-процессуального регулирования предварительной проверки сообщений о преступлении // Lex russica. 2018. № 7. С. 98-113; Махов В.Н. Стадию возбуждения уголовного дела целесообразно поэтапно преобразовать в стадию полицейского дознания // Вестник Пермского университета. Сер.: Юридические науки. 2014. Вып. 3 (25). С. 180-185.

В числе наиболее острых проблем, связанных с существующей моделью правового регулирования стадии возбуждения уголовного дела, отметим следующие.

1. Явная недостаточность предусмотренных ст. 144 УПК РФ процессуальных средств и сроков рассмотрения сообщения о преступлении для полноценного решения таких задач данной стадии, как:

– достоверное установление обстоятельств события, о котором идет речь в поступившем сообщении, необходимых для его предварительной юридической квалификации в качестве именно преступления (отграничения от административного правонарушения, дисциплинарного проступка, гражданско-правового деликта, стихийного бедствия и т.д.);

– установление обстоятельств, препятствующих возбуждению уголовного дела и дальнейшему производству по нему;

– обнаружение и закрепление следов преступления (по существу – собирание доказательств);

– установление и задержание лица, его совершившего.

2. Неопределенность правового статуса лиц (прежде всего физических), вовлеченных в процесс проверки сообщения о преступлении, что создает благоприятную почву для злоупотребления правом как должностными лицами органов предварительного расследования, осуществляющими последовательную проверку, так и самими гражданами.

Вкупе с указанными проблемами нельзя не упомянуть еще одну, обусловленную несовершенством ведомственных критериев оценки деятельности органов предварительного следствия, дознания, прокуратуры и их структурных подразделений, осуществляющих процессуальную деятельность в стадии возбуждения уголовного дела, – стремление возбуждать уголовные дела лишь тогда, когда наличие признаков преступления не оставляет ни малейших сомнений, а то

и вовсе желание видеть «судебную перспективу» уголовного дела уже в момент его возбуждения, что зачастую приводит к волоките, незаконному отказу в возбуждении уголовных дел, утрате доказательств.

С другой стороны, нельзя не принимать во внимание и аргументы сторонников сохранения стадии возбуждения уголовного дела, связанные с тем, что массив поступающих в правоохранительные органы сообщений необходимо «фильтровать», поскольку значительная их часть не содержит признаков преступления и не требует применения уголовно-процессуальных средств реагирования. Соответственно, проверка сообщений о преступлениях так или иначе необходима, о чем свидетельствует правоприменительная практика тех бывших республик СССР, которые совсем недавно отказались от закрепления в уголовно-процессуальном законе стадии возбуждения уголовного дела<sup>1</sup>. Ключевым вопросом здесь является определение оптимального процессуального режима, необходимого и достаточного набора процессуальных средств, при помощи которых, с одной стороны, сообщения о преступлениях будут эффективно «отсеиваться» от сообщений об иных событиях, признаков преступления не содержащих, а с другой стороны – так же эффективно будет осуществляться процесс собирания доказательств по «горячим следам», фиксация следов преступления, поиск и задержание подозреваемых.

Как нами уже отмечалось ранее в публикациях по данной проблематике<sup>2</sup>, за десятилетия существования в советском и российском уголовном процессе стадии возбуждения уголовного дела в сознании не только не посвященных в тонкости юриспруденции граждан (на бытовом уровне), но и юристов (как практиков, так и ученых – на уровне доктринального толкования) укоренилось представление о том, что принятие

<sup>1</sup> Примеры Украины, Казахстана.

<sup>2</sup> Подр.: Калугин А.Г. Есть ли альтернатива последовательной проверке? // Правовые проблемы укрепления российской государственности : сб. статей. Ч. 79. Томск: Издат. дом. Томского гос. ун-та, 2018; Калугин А.Г. Начальный этап уголовного судопроизводства: в поиске оптимальной модели // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2020. № 4.

решения о возбуждении уголовного дела дает возможность должностным лицам органов предварительного расследования применять процессуальное принуждение, в том числе при производстве следственных действий, тогда как до возбуждения уголовного дела всякое принуждение недопустимо, и лишь после его возбуждения уголовно-процессуальный механизм «запускается» в полном объеме, включая весь арсенал процессуальных средств государственного принуждения. Таким образом, казалось бы, разные понятия «производство по уголовному делу» и «уголовное преследование» зачастую отождествляются, чему только поспособствовало закрепление в п. 55 ст. 5 УПК РФ определения: «уголовное преследование – процессуальная деятельность, осуществляемая стороной обвинения в целях изобличения подозреваемого, обвиняемого в совершении преступления».

Однако, рассматривая проблему с точки зрения целеполагания той деятельности, которая осуществляется с момента поступления сообщения о преступлении до завершения предварительного расследования, целесообразно, на наш взгляд, разграничить этапы досудебного производства как раз по их целям и задачам.

Цель – то есть конечный результат уголовно-процессуальной деятельности органов предварительного расследования на начальном этапе досудебного производства, который мы условно назовем «проверка сообщения о преступлении», – это установление оснований для уголовного преследования, то есть для придания конкретному установленному лицу процессуального статуса подозреваемого и применения к нему мер уголовно-процессуального принуждения. Достижение этой цели реализуется путем решения задач, перечисленных выше, в начале данной работы.

Отметим, что эти задачи, особенно первые две, неизбежно возникают вне зависимости от наличия или отсутствия информации о лице, совершившем

преступление. В тех же случаях, когда информация о конкретном лице уже содержится в сообщении о преступлении, перед органом расследования ставятся только первые три из перечисленных задач и решаются они параллельно.

Второй этап досудебного производства, содержание которого, на наш взгляд, и должно определяться термином «уголовное преследование»<sup>1</sup>, будет начинаться с момента, когда конкретному лицу придается статус подозреваемого (путем его задержания, применения меры пресечения, уведомления о подозрении). Деятельность органа расследования на этом этапе направлена на изобличение именно этого лица в совершении преступления, на отыскание имущества, полученного в результате преступной деятельности, включает в себя предъявление обвинения и обоснование его доказательствами. Именно на этом этапе становится возможным применение всего спектра мер процессуального принуждения, предусмотренного уголовно-процессуальным законом.

На предыдущем же этапе («проверки сообщения о преступлении») отсутствуют участники процесса, в отношении которых могут быть применены меры процессуального принуждения, за исключением, пожалуй, привода свидетеля, уклоняющегося от явки для дачи показаний. Причем этот этап будет иметь место только в тех случаях, когда в первичной информации (сообщении) о преступлении отсутствуют сведения о потенциальном подозреваемом. Он может завершиться как возбуждением уголовного преследования в отношении конкретного лица путем придания ему процессуального статуса подозреваемого, так и отказом от такового и прекращением производства по делу, если в результате расследования будет установлено отсутствие события либо состава преступления.

Преимуществом такой модели является возможность использования любых предусмотренных законом способов собирания доказательств, в первую очередь

<sup>1</sup> Подр.: Калугин А.Г. К вопросу о содержании понятия «уголовное преследование» // Конституция Российской Федерации и современный правопорядок : материалы конференции : в 5 ч. Ч. 5. М.: РГ-Пресс, 2019.

производства следственных действий. Те из них, которые связаны с ограничением конституционных прав граждан, должны проводиться, как и сейчас, на основании судебного решения.

Внедрение такой модели досудебного производства, безусловно, потребует усовершенствования и процесса доказывания, а именно распространения общих правил (единого процессуального режима) собирания, проверки и оценки доказательств на оба этапа досудебного производства, с момента получения сообщения о преступлении:

а) к единой процессуальной форме должен быть приведен порядок получения вербальной информации от участников процесса – заявителя, лица, считающего себя пострадавшим от преступления (потерпевший, гражданский истец), очевидцев (свидетелей), подозреваемого – по аналогии с гражданским процессом и производством по делам об административных правонарушениях (сейчас мы имеем, как известно, два варианта: процессуальный (допрос) и «квазипроцессуальный» (получение объяснений));

б) следует дополнить уголовно-процессуальное законодательство нормами, регламентирующими:

– порядок добровольной выдачи и инициативной передачи физическими лицами следователю, дознавателю и в суд документов, предметов, а также информации, содержащейся на электронных носителях, порядок истребования указанных выше носителей информации в органах, учреждениях и организациях;

– представления субъектами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, для использования в процессе доказывания результатов оперативно-розыскных мероприятий как источника информации, имеющего самостоятельное значение: сведений, добытых сотрудником оперативного подразделения путем непосредственного восприятия следов преступления, а иногда и самого события его совершения, гносеологически схожих с результатами следственного действия (осмотра, следственного эксперимента, обыска и т.п.), но полученных в ином, не предусмотренном уголовно-процессуальным законом режиме<sup>1</sup>;

– порядок приобщения к материалам уголовного дела и использования в доказывании результатов административной деятельности федеральных органов исполнительной власти.

*Овчинников Ю.Г.,*

кандидат юридических наук, доцент

Владивостокский филиал Дальневосточного юридического института МВД России

### **Упрощение досудебных производств, путем совершенствования отдельных институтов и норм**

За последнюю четверть века на научных площадках, посвященных проблемам отечественного уголовно-процессуального законодательства, исследователи все чаще высказываются о потребности в упрощении уголовно-процессуальной формы досудебного производства.

Исходя из рационального распределения сил, средств и времени со стороны участников уголовного процесса, имеющих в деле публичный и личный интерес, и должна строиться процессуальная форма, которая не должна содержать условий,

<sup>1</sup> Россинский С.Б. Проблема использования в уголовном процессе результатов оперативно-розыскной деятельности требует окончательного разрешения // Lex Russica. 2018. № 10. С. 80; Вытовтов А.Е. Результаты оперативно-розыскной деятельности как средства доказывания в уголовном судопроизводстве (по материалам уголовных дел экономической направленности) : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Омск: Омская академия МВД России, 2020. С. 15.